

Незнакомич с грохотом ввалился в коммуналку.

— Чо грохочешь! — Бабка Таня выглянула из своей комнаты. — Каждая козявка шумит.

— Сидите у себя и не высовывайтесь понапрасну! — Злой Незнакомич толкнул соседкину дверь.

Это, конечно, он сделал зря. Казалось, бабка Таня только и ждала, чтобы с кем-нибудь пособачиться. Она широко распахнула дверь своей комнатухи и завопила:

— Люди добрые! Вы только посмотрите на него! Три дня в начальниках, а уже важнее самого товарища Молотова!

Незнакомич молча прошагал по длинному коридору в свои двухкомнатно-смежные покои. На пороге его уже ждала встревоженная жена. Бабка Таня все еще что-то кричала вслед соседу.

— Что опять ей надо? — Луиза посмотрела на мужа.

— Да ну ее.

— Я вот найду на нее управу! Не посмотрю, что старая! — крикнула в пространство коридора жена, закрывая дверь. — Ведьма!

— Ты-то хоть не будь дурой, не связывайся с ней. — Незнакомич, не раздеваясь, прошел к окну и распахнул его. Уличный шум нарушил тихое и складное состояние комнаты.

— А чего она? — Луиза скорчила гримасу и вмиг сделалась обидчивой, дескать, я за тебя заступаюсь, а ты мне еще и выговариваешь.

Незнакомич чуть ли не с разбега рухнул на черный диван с высокой спинкой и закинул ноги в сапогах на подлокотник, аккуратно на белые кружева.

— Незнакомич! — Луиза в ужасе подскочила к мужу. — Ты в своем уме!

«Заткнись!» — так и хотелось сказать Незнакомичу, но он, положив руку на лоб, закрыл глаза. Луиза вытащила из-под сапог белоснежную салфетку и прижала ее к груди.

— Это память о маме, а ты сапогами! — прошептала жена, невольно срифмовав.

— Кого? Маму сапогами? — переспросил Незнакомич рассеянно.

— Память! Память сапогами! — И в голосе Луизы звякнули слёзы обиды.

Незнакомич нервно соскочил с дивана, выхватил из рук жены салфетку, кривляясь, поцеловал ее, положил на подлокотник и бережно разгладил, а затем пулей вылетел из комнаты. Он был страшно раздражен, но срывать злость на почти плачущей жене не хотелось, поэтому Незнакомич без стука, ворвавшись в комнату бабки Тани, с порога процедил сквозь зубы:

— Еще раз обидишь Луизу или косо помотришь в мою сторону, ни тебе, ни внуку твоему не поздоровится! Уж я постараюсь. Поняла?

Соседка растерянно глядела на взбешенного Незнакомича.

— Поняла? — спросил он. — Ни тебе, ни внуку твоему раздолбаю!

— Поняла, батюшка, поняла. — Бабка Таня вжала голову в плечи. За себя она не переживала, а вот за внука... Тот и вправду был непутевый, но Бог пока миловал с наказаниями.

— Вот то-то же! — сказал Незнакомич уже более миролюбивым тоном. — Гляди у меня! С этого дня жизнь меняется.

Тем временем Луиза, сменив гнев на милость, накрывала на стол.

— Руки! — грозно сказала она, когда муж вернулся.

Тот вытянул руки вперед и впервые за вечер шуточно посмотрел на жену.

— Мыть! Мыыыть! — она завернула мужа обратно в коридор.

За время его отсутствия на столе, покрытом светлой скатертью, помимо еды красовались граненые стопки.

— А это уже совсем другой разговор. — Незнакомич потер крепкие ладони.

За ужином Луиза весело щебетала, забыв сапоги на кружевах. Незнакомич сосредоточенно молчал. Его широкое загорелое лицо оставалось беспристрастным.

— Вкусно? — спросила Луиза.

Незнакомич откинулся на спинку стула.

— Не обижайся. У меня сегодня день не из легких.

— На работе что-то стряслось?

— Завтра мне предстоит участвовать... В общем, будем храм разрушать.

— И что?

— Храм разрушать, — повторил Незнакомич.

— И что такого?

— Что-что... Не спокойно у меня на душе, вот что.

— Из-за храма?

— Ты, Луиза, дура что ли? — Незнакомич в сердцах кинул ложку на стол. — А из-за чего еще? Конечно, из-за храма.

Он вскочил и стал, выбрасывая ноги, вышагивать по комнате от двери к окну и обратно.

— Какой храм? — как можно более участливо спросила Луиза.

— В Путинках. Рождества Богородицы.

— На Малой Дмитровке? Так он давно уже мертвым грузом стоит. Место только занимает. Роскошный, правда, зараза. Узорочье русское. — Луиза тряхнула кудряшками. — Только это не повод, чтобы жалеть ту церковь. Пусть даже она и последний шатровый храм.

Незнакомич остановился и в раздумье почесал щеку.

— А почему последний? А потом какие?

— Патриарх Никон прекратил после нее строительство шатровых храмов на Руси. Потом строились только крестово-купольные.

— А Патриарх Никон — это у нас век...

— Семнадцатый! — Луиза укоризненно посмотрела на мужа. — А указ был по поводу шатровых храмов в 1653.

— Не зазнавалась бы ты, историк Луиза Незнакомич!

— В чем-то она последняя, а в чем-то первая, — с гордостью делилась своими профессиональными знаниями Луиза, — ее придел был освящен впервые на Руси в честь Неопалимой Купины, то есть в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина», — поправила она.

— Которая от пожаров спасает? — уточнил Незнакомич.

— Естественно!

— Стало быть, церковь старая...

— Почти триста лет в обед. Кстати, мои родители там венчались. Еще до революции. Недалекие люди, — вздохнула Луиза.

При упоминании о родителях Незнакомич вздрогнул и снова заходил по комнате. Взгляд невольно упал на кружевные диванные салфетки. И храм будто свит из белоснежного кружева, — пронеслось у него в голове.

— А мы вот не такие, как они были, — продолжила жена. — Что за пошлость — венчаться? Фу... Хорошо, что они потом одумались и поняли религия — опиум.

Незнакомича бросило в пот.

— Луиза, это и волнует меня больше всего. Отец ведь твой Спасителя разрушал.

— Принимал участие.

— А ведь на следующий день того... помер.

— Да, — кивнула жена.

— Ни с того, ни с чего. Лег вот на него, — Незнакомич покосился на диван, — заснул и не проснулся.

— Легкая смерть!

— Так после того, как Христа Спасителя взорвали! На следующий день! Тебя это не удивляет столько лет?

— Нет, — спокойно ответила жена и встала из-за стола в желании убрать посуду. Незнакомич остановил ее, снова усадив на венский стул.

— Луиза, — шептал он, — я не хочу завтра участвовать в этом деле. Я еще пожить хочу. Как бы отказаться?

— Отказаться? — Жена тоже перешла на шепот. — Что значит «отказаться»? Ты в своем уме? Тебя же арестуют! А потом и меня.

— Может, обойдется? Заболею, ну не знаю еще что. Придумаем.

— Нет! Ты пойдешь! Я и не знала, что у меня муж — трус! — Она решительно встала и принялась за уборку.

Незнакомич сел на подоконник у раскрытого окна. Вывалиться что ли? Тут не высоко, не сильно пострадаешь. Жив-то уж точно останешься. Скажу, что сердце прихватило, вот и упал, пока жена посуду мыла. Он посмотрел на тротуарную часть под окнами и ясно представил, как свалится на веселых по-летнему разодетых прохожих. Симпатичная краля! — Незнакомич взглядом проводил молодую стройную девушку в цветастом платье, которого игрун-ветер чуть приподнял подол. — На нее бы упасть! Он засмеялся, довольный своей шуткой, но тут же осекся. Да, не до шуток.

В комнату вошла Луиза. Муж опустил глаза, стыдясь своей недавней мысли о девушке.

— Чего ты так далеко выставился? Упадешь еще! А ну, слезай с подоконника. — Луиза потянула его за рукав. — Кому говорят?

Незнакомич нехотя повиновался.

— Бабка Таня — сама любезность. — Жена вытирала посуду и составляла ее в буфет. — Говорит, смотрит на нас с тобой и налюбоваться не может. И какая муха ее укусила, ведьму эту?

— А давай тебе купим платье в цветочек, — неожиданно предложил муж, — а то у тебя то горох, то однотонное.

— Здравствуй! — Луиза оторвалась от своего занятия. — У меня три цветастых платья!

— Да? — смутился Незнакомич. — Тогда давай еще одно купим, новое. Лето-то только началось.

— Завтра можно было бы. Воскресенье, выходной. Но ты, наверное, весь день занят будешь.

Незнакомич, вспомнив о предстоящем деле, тихонько чертыхнулся. Достал из кармана пачку папирос, закурил. Из головы не выходил тесть, умерший почти десять лет назад в декабре 1931 — на следующий день умерщвления храма Христа Спасителя. Может, совпадение? Ведь накануне тесть крепко выпил.

— Каюк Христу Спасителю! — с гордостью говорил тесть. — Взорвали, не отвертелся. Жаль, что не с первого раза. Крепкий, однако! А народу набежало! Со всей Москвы. Кидались свою богомольню отстаивать. Запомнился мне один с бородкой. Наверное, поп какой. Все время пел протяжно: «Да простоят сей храм многие века...» И еще один, в смушковой шапке. Тот, правда, не пел, а проклинал нас. Окаянными антихристами обзывал. Злобный, собака! Да и не только он. Дивлюсь я, сколько ненависти в людях...

Тесть в этот вечер был в центре внимания. Тёща подкладывала ему в тарелку мясного, сама наполняла из рифленого графинчика стопочку, то и дело ласково глядя мужа по голове. Для нее, как и для Луизы, глава семейства виделся героем, они непрестанно засыпали его вопросами. Новоиспеченный зять молча внимал рассказу уважаемого тестя. В какой-то миг Луиза с долей негодования сверкнула на мужа. Мол, спроси чего-нибудь у отца, чего молчишь, как истукан.

— Неожиданно, — только и пришлось на ум Незнакомичу.

— Что неожиданно? — вскинул бровь тесть. — Еще в июльском номере «Правды» официально заявили о строительстве Дворца Союза Советских Социалистических Республик.

— И в «Известиях», — поддакнула ему жена.

— Не по сердцу, что на месте храма такой дворец будет? — Тесть-большевик испытующе посмотрел на зятя.

Незнакомич не ответил. Ему очень нравился храм Христа Спасителя, и его мнение об этом соборе шло в разрез с мнениями специалистов. И совсем не похож ни на самовар, ни на кулич. А бездушной архитектурой тут и не пахнет. Придумают тоже.

Как-то попалась ему на глаза брошюрка Кандидова «За Дворец Советов». Незнакомич сперва пробежал глазами названия глав: «Ложно-историческая ценность Храма Христа Спасителя», «Сказка о художественной ценности Храма Христа Спасителя», «Храм Христа Спасителя на службе контрреволюции» и другими, подобными по смыслу. Забросил брошюру, не став ее читать.

— А со взрывами тоже интересно получилось! — Тесть хвалился новостью дня. — Самый сильный был третий. И надо же такому случиться, что этот взрыв сделал простой рабочий-сезонник. Эээ... Фамилия как ягода... А! Морошкин! Имя чудное, не вспомнить пока. Он всего-навсего охранял вход в помещение подрывного пункта.

— Как так? — теща Незнакомича делано всплеснула руками. — Специалистов, что ль, не нашлось?

— Как не нашлось? Там самые опытные подрывники собрались! Только когда и второй взрыв не взорвал храм, что началось! Видели бы. Богомольцы ликуют! Насмежаются над нами. У начальства пена изо рта. Орут благим матом. Неразбериха полная. Оконфузились, получается. Беготня началась. А как дали команду на третий взрыв, из техников никого у взрывной машины и не оказалось. Ну и Морошкин тут как тут.

— Перед начальством выслужиться хотел этот ягодный, — теща пободострастно взглянула на мужа. — А иначе куда лез малограмотный?

— Вот таким выскочкам порой и приходит слава, — вздохнул тесть. — В общем, храм не устоял, а остальные взрывы доделали дело. Сейчас еще разбирать руины предстоит, да и фундамент.

— Представляю, какой там ор стоял среди этих богомольцев, — теща вновь наполнила тарелку мужа едой.

— И не говори, мать! Рыдали как по покойнику, вот глупые-то.

На следующий день рыдали по самому тестю...

«Как бы по мне не пришлось рыдать в понедельник! — Незнакомич с тоской посмотрел на Луизу. — Сколько, интересно, она вдовой проходит? Год? Два? А потом замуж выйдет. И... — Незнакомича словно обдало холодной волной. — На нашей постели... Ну уж нет!»

Храм в Путинках он уничтожить не пойдет. Не пойдет... Так тогда его самого уничтожат. И снова Луиза с другим в постели представилась ему. Что делать-то? Замкнутый круг какой-то...

— Скоро спать, а ты надымил так! — жена со всей силы размахивала полотенцем.

За десять с небольшим лет, что Незнакомич жил с ней, Луиза стала намного ворчливее, да и красоты в ней поубавилось. Только соломенные кудряшки по-прежнему вызывали в нем воспоминания о той юной особе, в которую он когда-то страстно влюбился. Мысль о том, что кто-то другой, а не он сам, может любить его жену, была ему папиросой в сердце.

Луиза продолжала бухтеть из-за папирос, и Незнакомич отправился на кухню попить водички. Там он застал бабушку Таню. Виновато посмотрев на него, она вдруг протянула ему письмо.

— Прочитать некому. Сегодня утром получила. От племянницы. А внук мой, шалапут, куда подевался? Ума не приложу. Прочти, милоч, не откажи. Не терпится узнать, как они там, в деревне.

Незнакомич хотел было послать бабушку Таню куда подальше, но вдруг взял письмо, пробежал мельком по мясистым буквам и вдруг наткнулся: «Выкорчевывают из нас имя Христово...» Он крикнул и посмотрел на

соседке, стал молча читать дальше: «Диву даешься, что стало с людьми. Сердце кровью обливается. Хорошо, что ты, тетка Таня, уехала с этих мест и не видишь все бесчинства, творящиеся здесь. Думали, уж закончено со всем беззаконием, так ведь нет же! Церковь каменную порушили! Горе-то какое...»

— Чего там? Неладное что-то? — встревожилась бабка Таня.

— Церковь у них там порушили, — сказал Незнакомич и дальше стал читать вслух: — «Какая красивая была, помнишь ведь, к нам в село ты не раз приходила».

— Как не помнить? — горько усмехнулась бабка Таня.

— «Резная и иконостас резной. Иконы, как говорили знающие, еще жидкой техникой выполнены. Старинные. И стояла-то она на пригорочке, никому не мешала. Пригнали сначала один трактор, потом второй вызвали. Мы все стали кольцом, окружили, значит, ее родимую. Но разве ж бабы да старухи сила? Зацепили эти супостаты колокольню за макушку тросом, мы в плач, крик, кто был не в круге, кинулись на сломщиков. Что началось! В общем, милицией дело закончилось. А церковь-то разрушили все же... И иконы многие пожгли. Эх, входят люди в историю геростратами». Ишь ты, грамотная племянница твоя! — Незнакомич оторвался от письма.

— Какими стратами? — слабым голосом спросила бабка Таня, но Незнакомич не ответил, продолжив чтение.

Дальше Валентина радовалась факту, что те, кто принимал участие в поругании церкви в соседних селах, уже наказаны Богом. Кто повесился, кого убили, кто сгорел вместе с семьей и домом...

Незнакомич скомкал письмо, поднес к нему спичку и горящее кинул в раковину. Встретившись глазами с бабкой, прислонил к губам указательный палец. Соседка понимающе молча кивнула и поклонилась.

Вернувшись в свои апартаменты, Незнакомич застал Луизу перед зеркалом. Она забавлялась с волосами, придумывая себе разные прически.

— Чего такой испуганный?

— Я? Я нет. С чего мне быть испуганным? — Незнакомич внимательно посмотрел на себя в зеркало. В глазах и впрямь тревога. — Я насчет завтрашнего все думаю. Не стоит мне этого делать.

— Опять? Сколько можно об одном и том же! Незнакомич, ты милиционер! Милиционер! — проговорила она по слогам. — Ты не будешь разрушать церковь, ты будешь стоять в оцеплении, карауле или как у вас там. Людей не пускать, чтобы они не покалечили себя, дурни. Объяснять им, что они заблуждаются. И все такое.

Ночью от мыслей и духоты разболелась голова. Луиза спала беспробудно, отвернувшись к стене.

В ту ночь впервые Незнакомич обратился к Господу. «Сделай так, — горячо шептал он, — чтобы мне не пришлось завтра участвовать в этом. Ведь накажешь, как пить, накажешь. А я и не пожил еще. Не нажился. И детей нет. Двое родились, да и умерли сразу. Тридцать лет всего-навсего. Сам посуди, разве умирают в таком возрасте? Пусть эту церковь не тронут! Сделай чудо, ну что тебе стоит?» Он засыпал, но снова просыпался и шептал. Под утро дошел до полного бреда: «Пусть что угодно случится, лишь бы отменили церковь эту разрушать. Не хочу я!»

А на следующий день началась война. Ведь уничтожение церкви Рождества Богородицы в Путинках было назначено на воскресенье 22 июня 1941 года. Та страшная дата явилась спасительным днем для храма.

В кровавые военные годы Незнакомич уцелел, хотя с 1943 года был на фронте, и даже пару раз на передовой. Только одна легкая контузия. Луиза ушла на фронт одновременно с ним, санитаркой, и подорвалась на mine, спеша к раненому. Хоть и не христианка, а погибла «за други своя».

Каждый раз — и готовясь к сражению, да и просто на привале Незнакомич размышлял о храме в Путинках. Из-за тебя началась война! — гневно думал он. Однажды даже стал писать письмо в ЦК партии с просьбой немедленно взорвать храм, чтобы война кончилась, но вовремя спохватился. Скажут, контузило мужика, что тут удивительного!

После войны раз в год, 22 июня, он приходил на улицу Чехова, бывшую Малую Дмитровку, и разговаривал с храмом:

— Вот ты стоишь тут во всем великолепии, а из-за тебя столько народу погибло. И Луиза моя...

Храм молча смотрел на человека, ни в чём не чувствуя своей вины.

— Ну дождешься у меня! — грозил Незнакомич. — Я тебе покажу!

Однажды спящий он вновь стал писать письмо куда следует: «Я, узнав о том, что церковь будут сносить, смалодушничал, — выводил Незнакомич на бумаге, — всю ночь умолял Бога, чтобы он оставил храм. Преступно возопил: «пусть что угодно произойдёт, лишь бы храм не стали рушить». И Бог услышал. Оставил храм в покое. Оставить-то оставил, но началась война. А вот если бы не оставил, то и ничего бы и не было. Прошу принять меры по ликвидации храма». Прочитав на утро письмо, разорвал его в клочья. Прямая дорога в психушку!

Время от времени в голову приходили совсем шальные мысли... Раз я тебя вымолил, мне тебя и казнить! Сам взорву, и дело с концом.

Но как ты взорвёшь? Да ещё в одиночку.

Наступало очередное 22 июня, и Незнакомич снова приходил к храму, укорять его за то, что он стоит, а столько народу погибло. Подолгу стоял, внимательно вглядываясь в воздушный архитектурный ансамбль церкви.

— До чего ж наряден! — останавливались прохожие. — Шедевр московского зодчества!

— На фасадах и не отыскать ровной поверхности. Все в резьбе и каменном кружеве!

В послевоенные годы в церкви Рождества Богородицы в Путинках расположилась репетиционная база цирка, там дрессировали собак и обезьян, клоуны отработывали свои смешные номера. Несколько раз 22 июня Незнакомич видел, как в храм входил известный ему клоун.

В девяностые храм стал действующим. Вот тогда-то впервые и переступил Незнакомич порог церкви Рождества Богородицы. Ему уже было за восемьдесят.

Без робости, уверенно, словно хозяин вошел он в храм. И обмер. Со всем другим ему представлялись и само пространство и интерьер.

— Крохотно как! — вслух сказал Незнакомич. И долго, прислонившись к ступенькам, ведущим в придел в честь иконы Божьей Матери «Неопалимая Купина», стоял, рассматривая внутреннее убранство.

И он стал чаще приходить сюда, не только 22 июня. Как-то раз видел актёра Александра Абдулова. Говорили, что Абдулов вместе с другими артистами расположенным рядом театром «Ленком» помогал возрождать церковь. А еще он видел того самого клоуна, но постаревшего и смиренного. Клоун долго и старательно исповедовался священнику. «Небось, кается, горемыка, за все свои ужимки и прыжки», — усмехнувшись, подумал Незнакомич. Сам он и не думал ни исповедоваться, ни причаститься.

В 1994 году Незнакомич попал в храм как раз, когда там отпевали хорошего артиста Евгения Леонова. С возрастом он, располневший, внешне стал походить на этого добродушного актёра. К тому же Незнакомич впервые побывал на отпевании и очень проникся происходящим, а потому стал задумываться о чём-то глубоком и важном.

Наступил новый век, а Незнакомич всё жил да жил на белом свете, и уже подумывал грешным делом, что не только храму суждено стоять вечно, но и ему, одинокому старику, время которого уже подтекало к столетию. И вот уже совсем не старого Абдулова, умершего от рака, отпевали в том же храме в Путинках, только уже не на улице Чехова, а как раньше — на Малой Дмитровке.

— Молодые мрут, а мы с тобой, старые, не умираем, — сказал Незнакомич храму после того отпевания.

В том же году он и помер, не дожив до ста лет. Как ветерана войны его навещала медсестра.

— Пусть отпоют меня. В том храме, — простонал он.

— В каком? — спросила медсестра.

— В моем, — глухо ответил Незнакомич. Это были его последние слова.